

О СИМВОЛИЗМЕ

Оригинал здесь: **О стихах и поэтах.**

Недавно мне довелось быть на лекции о поэзии Иннокентия Анненского. В первой части доклада лектор дал краткий обзор русского символизма. Я испытал неожиданное чувство. Все, сказанное лектором, было исторически верно, вполне добросовестно в смысле изложения литературных фактов. Многое в символизме лектору удалось наблюсти правильно, даже зорко. Словом -- лектору все мои похвалы.

Но, слушая, мне все чувствовалось: да, верно, правдиво, -- но, кроме того, я знаю, что в действительности это происходило не так. Так, да не так.

Причина стала мне ясна сразу. Лектор знал символизм по книгам -- я по воспоминаниям. Лектор изучил страну символизма, его пейзаж -- я же успел еще вдохнуть его воздух, когда этот воздух еще не рассеялся и символизм еще не успел стать планетой без атмосферы. И вот, оказывается, -- в той атмосфере лучи преломлялись и краски виделись как-то особенно, по-своему -- и предметы являлись в иных очертаниях.

Историки литературы (в большинстве) считают, что литературное течение непостижимо без изучения эпохи, в которую оно создано, а отдельный автор -- без знакомства с его биографией. Поэтому историк литературы ищет подсобных сведений у историка других культурных явлений, а также у историка политического, иногда у случайного мемуариста и т. д. Нередко, по недостатку и неполноте источников, он сам превращается в историка, чаще всего, разумеется, в кропотливого биографа. Собирая, сопоставляя, сличая воспоминания современников, документы, дневники, письма, порой путем сложнейших, даже мельчайших исследований (над которыми зубоскалит литературная обывательщина) -- восстанавливает он даты, воскрешает подробности обстановки, быта, литературных течений и схваток, личных судеб, любовных историй и многого другого. Словом, всего того, что зовется "картиной эпохи". Многое удастся сделать. Изучаемый автор (или даже произведение) предстает в окружении. Возрастает для нас и *прелесть* произведения, ибо она всегда прямо пропорциональна объему *понимания*. Больше того: улучшается качество понимания. Вернее сказать: понимание обращается на предмет более обширный. Созерцая произведение, взятое "в себе", вне автора и эпохи, мы видим только творение. Зная автора и историю произведения, входим мы сверх того внутрь самого творческого процесса. Нам открывается не только творимое, но и творчество.

Освещенность эпох, людей и событий различна. Иное знаем мы лучше, иное же остается неясным, уносит с собой какую-то свою тайну, навсегда остается лунным пейзажем -- без атмосферы. Вот, слушая моего лектора, я и увидел воочию, что если произведения любой эпохи нуждаются в реальном и биографическом комментарии, то писания символистов -- в особенности. Конечно, сейчас мечтать об этом было бы преждевременно, хотя публикация некоторых материалов по истории символизма уже началась. Таковы воспоминания Белого о Блоке, извлечения из писем и дневников того же Блока, записки и дневники Брюсова, переписка Брюсова с Перцовым. Но все это -- лишь ничтожнейшая часть того, что должно быть вскрыто, чтобы символизм был понят.

Символизм не только еще не изучен, но, кажется, и не "прочитан". В сущности, не установлено даже, что такое символизм: не выяснены ни его отличия от декадентства и модернизма, ни его соприкосновения с тем и другим, -- а это вопрос важнейший, существеннейший. Не намечены его хронологические границы: когда начался? когда кончился? По-настоящему мы не знаем даже имен. Кто "вполне" символист? Кто "полу", кто "вовсе не"? Судят разное, а к ясным решениям не приходят, прежде всего потому, что признак классификации еще не найден.

Когда эта работа будет сделана, то, я думаю, символистов "чистой воды" окажется мало. Но людей, так или иначе вовлеченных в круг символизма, обнаружится больше. У символизма был *genius loci* [*], дыхание которого разливалось широко. Тот, кто дышал этим воздухом символизма, навсегда уже чем-то отмечен, какими-то особыми признаками (дурными или хорошими, или и дурными и хорошими -- это вопрос особый). И "люди символизма" и его окрестностей умеют узнавать друг друга. В них что-то есть общее, и не в писаниях только, но также в личностях. Они могут и не любить друг друга, и враждовать, и не ценить высоко... Но это не связь людей одной эпохи. Они -- свои, "поневоле братья" -- перед лицом своих современников-чужаков. И с чужаками такими, сколько бы ни заключали они союзов, литературных, журнальных или каких угодно, -- порода все-таки себя выдаст, связь рано или поздно окажется искусственной и либо ослабнет, либо порвется вовсе. Потому-то, с другой стороны, так легко и